

ПОРЯДОК В ПОНЯТИЙНОМ АППАРАТЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ Н. С. ТИМАШЕВА

Автор: Д. М. РОГОЗИН

РОГОЗИН Дмитрий Михайлович - кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН (E-mail: d.rogozin@list.ru).

Аннотация. Представлен обзор содержания методологических работ Н. С. Тимашева, проанализирован его вклад в развитие теоретических и эмпирических подходов в социологии*.

Ключевые слова: методология социальных наук * социологический концепт * власть * доминирование

К началу XXI века достоянием российской научной общественности стали труды таких отечественных социологов и философов первой волны эмиграции, как П. А. Сорокин, Г. Д. Гурвич, С. Л. Франк, Ф. А. Степун и др. Пожалуй, только Николай Сергеевич Тимашев (1886 - 1970) еще остается в тени. Несколько биографических публикаций и с десяток статей в толстых историко-публицистических журналах, в основном подготовленных его дочерью, Т. Н. Бобринской, - вот, пожалуй, и все, чем располагает современный российский читатель, не имеющий доступа к зарубежным библиотекам и архивным материалам. За рубежом его работы изучаются и обсуждаются, а в США, в Мэримаутском колледже, где он работал, учреждена стипендия его имени [Дойков 1996, с. 140].

В центре научных интересов Н. С. Тимашева находились вопросы социологии права, механизмы власти и порядка, истории социальной мысли и социально-политического развития России. Тимашев активно критиковал советский режим, о чем можно судить по названиям его статей середины XX века в эмигрантском *"Новом журнале"*: *"Сила и слабость России"*, *"На карательно-террористическом фронте"*, *"Перестройка в Советском Союзе"*, *"Пути послевоенной России"* и др., а также по книге *"Великое отступление. Становление и упадок коммунизма в России"* (1949), что привело к запрету на публикацию в СССР его работ. Неудивительно, что эти направления его творчества в первую очередь привлекли внимание отечественных исследователей. Однако не меньший интерес представляют исследования эпистемологических и онтологических проблем социальных наук. Не столько участие в становлении новой дисциплины - социологии права, сколько обоснование ее легитимности и встроения в сложившиеся дисциплинарные рамки социологии; не повсеместное введение новых понятий, а внимательное и скрупулезное изучение сложившейся и устоявшейся тер-

* Автор признателен О. Б. Божкову, Е. И. Головахе, Л. А. Козловой, А. О. Оберемко, В. А. Ядову за высказанные предложения и замечания по материалу. Особые слова благодарности сыну Н. С. Тимашева, американскому биологу С. Н. Тимашеву (1926 г.р.) за присланные материалы, искреннюю заинтересованность в изучении и популяризации его наследия в России.

минологии, вычленение общих концептов, вызывающих наименьшее расхождение в разных теоретических схемах; не огульное поклонение господствующему тогда эмпиризму, а внимательный анализ возможностей и ограничений существующих способов описания и понимания окружающего социального мира - все это в полной мере характеризует подход Н. С. Тимашева к научной работе.

Биография в науке

Н. С. Тимашев - сын министра торговли и промышленности в правительстве Столыпина С. А. Тимашева - получил блестящее образование: Александровский лицей в Петербурге, Страсбургский университет в Германии, юридический факультет Петербургского университета, где он был среди учеников профессора Л. И. Петражицкого на кафедре философии права. После получения степени магистра права за работу *"Условное осуждение"* (1914 г.) Тимашев приступает к чтению лекций в Петербургском университете и Политехническом институте, в 1918 г. становится ординарным профессором Политехнического института. А в 1921 г. его научная деятельность в России обрывается. Его фамилия оказалась в списке ЧК по делу о "Таганцевском заговоре", по которому в августе 1921 г. был расстрелян поэт Николай Гумилев. Н. С. Тимашева спасла от ареста случайность: он спускался по лестнице дома, где жил, когда навстречу поднимались два человека в штатском. Сообразив, из какой они организации, он прошел мимо них (чекисты не знали его в лицо) и уже не вернулся. С женой и младшим братом он срочно перебрался в Финляндию [Бухин, 2005].

После бегства из России начались скитания по Европе: Берлин, Прага, с 1928 г. Париж, преподавание в Славянском институте Сорбонны, а также Франко-русском институте. Выезд в Америку, где при поддержке П. А. Сорокина удалось получить место в Гарвардском университете. Напряженная работа в чужой стране, интенсивное освоение языка (в семье говорили на французском и немецком). Когда пришло всеобщее признание, появились ученики и последователи - новые испытания: смерть жены, собственная тяжелая болезнь. И все это на фоне кропотливого, ежедневного письма, методичного чтения сотен публикаций, переписки с коллегами, лекций перед студентами.

Основные методологические работы Н. С. Тимашева приходятся на 1940 - 1950-е годы. После выхода в свет *"Введения в социологию права"* (1939) приходит признание в американской академической среде. Поступают приглашения на конференции, на чтение лекций. Его статьи публикуют ведущие американские журналы, с ним вступают в полемику признанные авторитеты в гуманитарных науках. Как пишет Т. Н. Бобринская, во время войны сократилось количество студентов, Н. С. Тимашев начинает преподавать в женском католическом университете Мэримаунт [Бобринская, 2000, с. 21]. Новая аудитория, необходимость вновь и вновь объяснять базовые понятия, обращение к методологическим публикациям коллег для прояснения исследовательской работы - все это подтолкнуло ученого взяться за письмо.

Освоение концептуального пространства

Важнейшими понятиями, определяющими методологию социальных наук, Н. С. Тимашев считал порядок, каузальность и гипотетичность [Timasheff, 1959]. Посредством этой триады, можно, по его мнению, сформулировать базовые посылки и условия, составить полное аксиоматическое описание социологических исследований. Наиболее значимым является концепт порядка, поскольку он сочетает эпистемологический и онтологический статусы, связывает исследовательские процедуры с изучаемой реальностью. Только через принятие принципиальной тождественности базовой характеристики социологического проекта и мира социальных взаимодействий можно говорить о его принципиальной познаваемости. Другими словами, социальное знание возможно благодаря наличию порядка как в изучаемой среде, так и в методологическом арсенале исследователя.

Среди методологических работ Н. С. Тимашева выделяется статья "*Фундаментальные социологические концепты*", опубликованная в 1952 г. [Timasheff, 1952a]. В ней ставится задача согласования концептуального аппарата и создания языка описания, пригодного для построения обоснованной и непротиворечивой социальной теории. Для этого Н. С. Тимашев выбирает шестнадцать работ, отражающих ключевые социологические теории в американской социологии. Круг источников охватывает период с 1931 по 1951 год. Т. Парсонс уже занимает ведущую позицию (Н. С. Тимашев рассматривает у Парсонса две работы, в силу их важности и несводимости друг к другу), но его теория не воспринимается Тимашевым в качестве доминирующей. Любопытно, что в анализируемые публикации попадают только американские авторы, занимающиеся общеметодологическими вопросами. Привычные для современного читателя имена европейских ученых, прочно занявших место классиков социологии - М. Вебера, Э. Дюркгейма, К. Маркса - не упоминаются в качестве переводных источников и не входят в обоснование рассматриваемых концептов¹. Теоретический каркас статьи строится на воззрениях авторов, работающих в одной среде, разделяющих единые теоретические пресуппозиции. Тем самым читателю предлагается проследить развитие социологических концептов в естественной обстановке науки "нормального" (по Т. Куну) периода ее развития.

К 1930-м годам среди американских обществоведов формируется убежденность в настоятельной необходимости разработки единого концептуального аппарата, единой "системы хорошо отобранных, определенных и интегрированных концептов". "Такая система должна начинаться с нескольких "ключевых концептов", описанных через референции к понятиям, сформулированным в других науках, с применением обыденного языка или указанием на какие-то примеры. Вторичные концепты могут быть построены для дополнения значимых характеристик, отсутствующих в ключевых концептах. Система должна завершаться несколькими концептами верхнего уровня, такими как "общество", "культура", "личность", которые должны и могут быть определены через отношение к вторичным концептам, если необходимо, с привлечением дополнительных характеристик" [Timasheff, 1952a, p. 176 - 177]. Однако представления о логической строгости и непротиворечивости используемых теоретических конструктов расходятся с фактическим состоянием дел в области социального знания. Обществоведы, ведущие разговоры о создании универсального знания и определении границ научных дисциплин, фактически конструируют частные теоретические системы, зачастую повторяющие построения их коллег, но сохраняющие кажущуюся автономность. Осознавая сложность и трудоемкость работы, направленной на согласование концептуальных схем (составленных в рамках неопозитивизма, функционализма, феноменологического направления и т.д.), в которых манифестируется значимость и независимость, Н. С. Тимашев предупреждает, что не собирается выдвигать интегральную социальную теорию. Он берется лишь за прояснение ситуации, за формулирование вопросов, которые помогут исследователям непредвзято взглянуть на сложившиеся понятийные нагромождения.

В рассматриваемой статье описывается девять групп ключевых теоретических понятий верхнего уровня: (1) социальные взаимоотношения и взаимодействия; (2) социальная система, социальная группа, общество; (3) нормы, институты, социальный порядок; (4) социальная позиция, статус, роль; (5) установка и ценность; (6) функция и потребность; (7) социальные и культурные изменения; (8) культура; (9) социология. Сопоставляя различные описания, затрагивающие ту или иную концептуальную груп-

¹ Факт неупоминания классиков социологии при анализе базовых концептов примечателен в свете того, что Н. С. Тимашев посвятил годы на изучение классических социологических произведений. Результатом стал учебник по социологии, выдержавший впоследствии многие переиздания [Timasheff, 1955a]. В нем автор посвящает отдельные главы классикам социологии, сформировавшим теоретическое поле науки: О. Контю, Г. Спенсеру, Э. Дюркгейму, Ч. Кули и У. Томасу, В. Парето, М. Веберу. Подобное разделение на передний край науки, с анализом современных авторов, и ретроспективный обзор классических работ, предлагаемый студентам, явно контрастирует со сложившимся ритуалом упоминания классических произведений без всякой необходимости [Connell, 1997, p. 1512].

пу, он формулирует вопросы, позволяющие прояснить соотношение наполняющих ее понятий.

Примечательно, что, анализируя "сухие" концептуальные схемы, Н. С. Тимашев никогда не упускает из виду авторов, предложивших их оригинальные формулировки. Он выстраивает логические связи не только в концептуальном пространстве, но и в пространстве личных биографий исследователей, связывая между собой усилия коллег, отдавая должное авторству при выработке тех или иных концепций. На эту черту обратил внимание П. Бенсон в рецензии на его книгу *"Социологическая теория"* [Timasheff, 1955a]: "Одна из особенностей тимашевского текста, которая приятно поражает читателя, - это особый способ представления концептов, через представление авторов, внесших вклад в их формирование. В результате читатель получает историческую проработку словаря понятий" [Benson, 1956, p. 388]. Подобный подход, с одной стороны, позволяет полнее раскрыть концептуальный словарь (о вербальной процедуре концептуализации см. ниже), с другой - оснащает концептуальное поле биографическим аспектом, внося столь необходимое "личностное знание" (по М. Поланьи) в теоретическую работу.

Н. С. Тимашев призывает не только к формулированию четких дефиниций каждого понятия, но и к жесткому определению их места в общей иерархии концептуальной схемы, которая должна быть признана всем научным сообществом. Иначе не может быть и речи об универсальном характере научного знания.

Процедуры концептуализации

Формированию понятий посвящена другая методологическая статья - *"Определения в социальных науках"*, опубликованная пятью годами ранее [Timasheff, 1947]. Центральной идеей в построении концептуального аппарата для Н. С. Тимашева является не столько корректное составление понятий, сколько нахождение их места в общем концептуальном пространстве. Концепты - лишь логические единицы теоретической системы [Timasheff, 1947, p. 202]. Поэтому скрупулезная разработка единичных концептов - бессмысленное занятие, если отсутствует общая идея, задающая жесткие координаты понятия в концептуальном пространстве.

В то время, когда операционализм занимал практически монопольную позицию в формировании методологического аппарата эмпирической социологии, Н. С. Тимашев рассматривает *четыре процедуры конструирования понятий: вербальную, индуктивную, вмененную и операциональную.*

Первая процедура построена на изучении значений анализируемого термина в различных словарях. В первую очередь речь идет о словарях быденной и научной речи. Прежде чем приступить к формулированию понятия, полезно выяснить этимологию слова, разобраться с коннотациями, альтернативными прочтениями и смыслами. "Сформировать концепт общества, закона, демократии или капитала - это все равно, что ответить на вопрос: что есть реальное значение слова, используемого для определения этого концепта?" [Timasheff, 1947, p. 203]. Зачастую термины берутся из других областей знания. Важно провести процедуру уточнения и описать, какие смысловые конструкции участвуют в метафорическом переносе, а от каких следует освободиться. "Без понимания смысла, приписываемого словам, социальный ученый не способен понять социальные системы, где произнесение и обдумывание слов составляют важнейшую основу их функционирования" [Timasheff, 1947, p. 204].

Индуктивное определение строится через пристальное наблюдение за окружающей исследователя реальностью. Н. С. Тимашев говорит о двух уровнях этого определения. На первом лежат первичные понятия, наблюдаемые исследователем. На них можно указать жестом, описать таким образом, чтобы каждый мог обнаружить этот предмет или явление при выполнении заданных ограничений. Индуктивные определения нижнего уровня принадлежат к сфере опытного, экспериментального знания. Верхний уровень состоит из обобщений. От чистой спекуляции индуктивное опре-

деление верхнего уровня оберегает требование обязательного соотнесения понятия с примерами и наблюдаемыми фактами. Чем более точно и однозначно построены связи между верхним и нижним уровнем индуктивных определений, тем качественнее проведена индукция, тем устойчивее, надежнее и достовернее создаваемое концептуальное пространство.

Вмененная процедура - "это обозначение определения посредством декларации, что "все объекты, обладающие свойствами А, Б и В, будут называться Х. Таким образом, Х - это концепт некоторого класса, или идея объектов, обладающих свойствами А, Б и В, неопределенными во времени, числе и пространственном расположении"" [Timasheff, 1947, p. 206]. Исследователь на свой страх и риск создает концепты через вменение определенному классу явлений единого понятия. Критерием для обозначения класса событий или явлений единым термином может выступать прошлый опыт, интуиция исследователя, анализ определений, составленных по индуктивной схеме и т.д. Н. С. Тимашев предупреждает, что ошибочно приписывать произвольный характер вмененной процедуре.

Наиболее критичен он по отношению к *операциональной процедуре* Бриджмэна-Ландберга. Отдавая должное вкладу исследователей в проблематизацию наблюдаемости и точности атрибутов, из которых складывается концептуальное определение, Н. С. Тимашев подчеркивает слишком сильно преувеличенное влияние разработанного методологического аппарата операционализма: "Единственное, что сейчас востребовано - это условие наблюдаемости атрибутов. Акцентируя внимание на этой особенности научных определений, операционалисты сделали реальный вклад в науку. В остальном значимость их доктрины неоправданно преувеличена и по большей части звучит смехотворно" [Timasheff, 1947, p. 209]. Сходные операционализму требования Н. С. Тимашев развивает в статье, посвященной наблюдению в социальных науках [Timasheff, 1948]. Основное требование последнего сводится не столько к наличию акта наблюдения, сколько к созданию "протокольных пропозиций", точно и однозначно регистрирующих наблюдаемые факты и явления. Таким образом, операционизм, заявляющий о создании единой методологии, объединяющей социальные и естественные науки, интерпретируется Н. С. Тимашевым исключительно как свод правил проведения полевой работы, не претендующих на теоретические генерализации.

Сильнейшее отторжение Н. С. Тимашева вызывал редукционизм теоретической работы до хорошо отлаженных операций по измерению: "Я определяю концепт в терминах операций, посредством которых я подхожу к нему", - пишет Г. Ландберг в программной работе "*Основания социологии*" [Lundberg, 1939, p. 54]. Акцент на функциональной природе концептуального определения, выраженного в терминах операций, - ключевая особенность предложенного П. Бриджмэном подхода, который в совершенстве развил Г. Ландберг [Рогозин, 2006, с. 114]. Все, что выпадало из принятых мер, признавалось последователями такого операционализма ненаучным, неважным, несуществующим. Например, ученик Ландберга - Стюарт Додд разработал к 1940-м годам ситуационную теорию (более известна как S-теория). Ландберг провел огромную работу по операционализации всех имеющихся на тот момент концептов, проштудировал не менее сотни монографий наиболее влиятельных авторов. Всего 13% теоретических понятий не поддались так называемой символической презентации, в том числе понятие "реальность", и тогда было решено объявить "реальность" реально не существующей. Так Ландберг поступал со всеми концептами, мешающими линейной операционализации, прямому отождествлению теоретических конструкторов с измерительными процедурами. Реакция Тимашева: "Для Ландберга пространство - это то, что измеряется линейкой или другими инструментами, время - то, что показывают часы, интеллект - то, что измеряется IQ тестами. Мы можем спросить: население - это то, что измеряется переписью? Более того, что представляют собой все эти стандартизированные измерительные инструменты - линейки, часы, тесты "интеллекта" и т.д.? Подобные устройства были созданы для измерения определенных аспектов социальной реальности, но концептуальные дефиниции, которые позволили разработать столь

высокоэффективные технические инструменты, были сформулированы совершенно иным, неоперациональным способом" [Timasheff, 1955a, p. 195]. Н. С. Тимашев последовательно обосновывает отсутствие приоритета операционализма в формировании понятий как на теоретическом уровне, так и в отношении прикладных социальных исследований. Несмотря на доминирование позитивизма в годы, когда Н. С. Тимашев пишет эти работы, его заключения выходят за рамки операциональных схем и индуктивных методов. В отличие от современных авторов, изначально, по базовым установкам, отторгающим принципы позитивной науки, Н. С. Тимашев предпринимает успешную попытку конструктивной критики позитивизма, находясь в его же концептуальном пространстве. Тем самым создается возможность диалога, реального выяснения границ позитивного знания, что особенно ценно не только для историков науки, но и современных исследователей, *de facto* продолжающих традицию операционализма, но *de jure* отрицающих какое-либо к нему отношение.

Н. С. Тимашев посвятил немало работ прояснению содержания тех или иных концептов. Исходя из своей специализации на социологии права и политической социологии, он уделял особое внимание концептам закона, власти, государства, пропаганды, демократии, тоталитаризма и образования [Timasheff, 1937a, 1937b, 1938a-c, 1940, 1942, 1943, 1950, 1954, 1955b, 1961]. Мы в качестве примера подробно разберем процедуру прояснения концептуального поля лишь одного *понятия - власти*.

Анализ концепта власти

В небольшой публикации, посвященной этому феномену [Timasheff, 1938a], описываются внутренние противоречия различных подходов к изучению доминирования в обществе, анализируются эмпирические исследования, позволяющие реализовать индуктивную процедуру, устанавливаются нормативные, формальные определения. Все это позволяет говорить о "*Феномене власти*" как показательной работе, в которой реализованы различные методы построения концептуального пространства. В ходе рассмотрения феномена власти Н. С. Тимашев показывает, как следует проводить концептуализацию этого сложного понятия с обращением к исследовательскому опыту коллег. Если в наше время большие библиографические списки уже никого не удивляют, то в начале прошлого века обращение к большому количеству авторов, подчас разнородных, считалось чудачеством. Обществоведы стремились обособиться в рамках выбранной школы, замкнуться в системе удобных и непротиворечивых понятий. Для Н. С. Тимашева такой подход к научному исследованию неприемлем. Если мы имеем дело со сложной реальностью, бессмысленно замыкаться в узком пространстве собственных домыслов и догадок. Следует рассмотреть все возможные подходы, невзирая на их успешность или "провальность", ориентируясь в первую очередь на обозначение новых границ исследуемого понятия. Более того, неуспешные, опровергнутые допущения более важны для научно-исследовательской работы, поскольку позволяют уточнять собственную аргументацию, сделать ее более прозрачной и доступной для критики.

Приступая к анализу феномена власти, Н. С. Тимашев констатирует, что он "многokrатно подвергался анализу, но обычно рассматривается лишь один его аспект - власть государственная" [Timasheff, 1938a, p. 499]. Весьма значительные достижения в таких областях знания, как физиология, эволюционная биология, экспериментальная психология, как правило, даже не принимались во внимание обществоведами, ведущими разговоры о власти. Соответственно, предлагаемые объяснения и схемы доминирования в обществе не могли ответить на базовый вопрос о механизмах возникновения такого доминирования.

Н. С. Тимашев останавливается на трех подходах: *интроспективном, бихевиористском и формальном*. В каждом он старается раскрыть особенности концептуального словаря, произвести (если имеется) опись эмпирических проектов и наиболее показательных примеров. В интроспективном подходе Н. С. Тимашев выделяет три

наиболее значимых фактора принятия власти другого на уровне индивидуального сознания. Во-первых, это индивидуальная предрасположенность к исполнению указаний. Личные характеристики людей приводят к достаточно жесткому их разделению на группы доминирующих и доминируемых. Причина не только в темпераменте или особой харизме какого-либо лидера, как это часто пытаются представить деятели, оправдывающие установленный властный порядок, но и в личной предрасположенности большинства к подчинению, к принятию воли другого: "Базовым фактором индивидуального сознания в контексте властной структуры является предрасположенность к исполнению всех указаний (пожеланий) доминаторов" [Timasheff, 1938a, p. 500]. В результате не столько прямое внешнее насилие, сколько внутренняя потребность в следовании некоторому образцу поддерживает и укрепляет подчас невообразимые властные отношения. Интроспективный подход помогает усвоить когнитивную природу феномена власти, показать укорененные в сознании формы подчинения и доминирования. Подчас индивид может не осознавать собственное подчиненное положение: "Индивид может даже не догадываться, что включен в систему латентных властных отношений, но это не помешает ему спустя несколько минут или даже лет вести себя в соответствии с "естественными законами" властного взаимодействия" [Timasheff, 1938a, p. 502]. "Пассивная периферия" определяется не наличием некоторого объективного социального порядка, не позволяющего человеку реализовать свои возможности, а наличием внутреннего, ментального блокиатора любых мотивов, направленных на пересмотр существующей конфигурации власти. Н. С. Тимашев отмечает тотальность такого положения дел, несводимость власти лишь к политическим явлениям. Наиболее яркие проявления власти можно увидеть между детьми и родителями в семье, между рядовым и офицерским составом в армии, между учителем и учеником в школе. Через интроспективную практику можно увидеть, казалось бы, замаскированную тотальность властных отношений. Маскировка - это всего лишь защитная реакция нашего сознания, предохраняющая от личных конфликтов и противоречий.

В многочисленных экспериментах, проведенных по бихевиористским схемам, Н. С. Тимашев пытается разглядеть дополнительные аргументы в пользу тотальности властных установок, сформулировать основные характеристики феномена власти. Взаимосвязь врожденных и приобретенных характеристик индивида создает то поле, на котором конституируется доминирование. Социальные отношения закрепляют склонность к подчинению. Поэтому так важно научиться выделять внутренние, врожденные характеристики доминирующих и доминируемых групп. Н. С. Тимашев обращает внимание на эксперименты с гипнозом, в которых было показано, что "наиболее подвержены гипнозу те индивиды, чья внушаемость с точки зрения господства-подчинения, т.е. формирования условных рефлексов покорности, выше средней" [Timasheff, 1938a, p. 505]. Педагогическое повторение, военная муштра, ритуал, "командные слова" - методы доминирования, направленные на укрепление условных рефлексов. Через наблюдение и анализ таких социальных практик можно связать достижения интроспективного и бихевиористского подходов, отойти от ненужной драматизации и расчленения этих двух базовых исследовательских парадигм.

Подытоживает анализ власти формальный подход. Отталкиваясь от зиммелевского наблюдения за становлением групповых отношений, Н. С. Тимашев выстраивает формальное обоснование укорененности власти, несостоятельности любых анархических лозунгов, направленных на разрушение порядков доминирования. Для этого он останавливается на простой логической схеме: "В системе из трех элементов **А**, **В** и **С** существуют три вида взаимосвязей - **АВ**, **АС** и **ВС**, и у каждого элемента одна взаимосвязь абсолютно независима от его желания, "объективна", например, **ВС** для **А**, **АС** для **В** и **АВ** для **С**. Предположим, что в сознании одного из элементов, скажем **А**, иллюзия "цепочки власти" была уничтожена. Тогда взаимосвязи **АВ** и **АС** также прекратят существование, но, поскольку взаимосвязь **ВС** сохранится, совместное влияние **В** и **С** на **А** может быть настолько сильным, что удержит **А** от совершенно свободного, неза-

висимого поведения. По собственному опыту А понимает, что объективные взаимосвязи и цепочки власти на деле иллюзорны, однако, несмотря на это, ему волей-неволей приходится вести себя так, как будто они реальны" [Timasheff, 1938a, p. 507]. Выводя нехитрую формулу, описывающую внешние для индивида порядки взаимодействия в других парах людей, входящих в его группу, Н. С. Тимашев показывает, что в группе из 100 человек мы получаем около пяти тысяч "взаимных связей", с которыми должен считаться конкретный индивид. Неудивительно, что казалось бы intersubъективным и частным взаимодействиям он начинает приписывать характер объективности и предопределенности. Так возникает вера в судьбу и внешний, объективный порядок, в котором место человека предопределено. Именно поэтому "развитые системы власти чаще встречаются в социально дифференцированных, а не примитивных обществах" [Timasheff, 1938a, p. 509], поэтому так важна аналитическая работа по расколдовыванию "превращенных форм", сковывающих человеческую свободу.

Методика социального исследования

Нельзя сказать, что Николай Сергеевич сторонился методических задач, несмотря на критику его работ за излишнюю теоретичность и отсутствие рекомендаций в отношении эмпирических исследований [King, 1960, p. 585]. Размышления о возможностях изучения социальных групп, таких как семья, школьный класс или рабочий коллектив, подталкивали его к разработке процедурной стороны исследования. И хотя предлагаемые им схемы аналитической работы не конкретизировались до уровня операций и полевых инструкций, они позволяли вдумчивому исследователю самостоятельно подготовиться к планируемому полевому этапу.

Интересным и значимым в данном аспекте был для Н. С. Тимашева опыт совместной работы с двумя аспирантами, реализованный в книге: *"Общая социология"* [Timasheff, Facey, Schlereth, 1959]. Именно здесь были описаны базовые принципы полевой работы, основные подходы к организации социологического исследования. Не обошлось без личного вклада, опирающегося на предыдущие работы профессора. Так, любую социальную группу Н. С. Тимашев предлагал анализировать в четырехаспектном проблемном поле. Во-первых, через идентификацию (участие в группе, общую композицию и границы группы и т.д.). Во-вторых, через интеракцию, выраженную в социальных взаимодействиях и процессах внутри группы и вовне. В-третьих, через функционал группы, или востребованные функции (повторяющиеся действия, направленные на удовлетворение каких-либо потребностей членов группы, группы как таковой, общества). В-четвертых, через порядок, или поддерживающие его элементы - позиции, нормы, полномочия, санкции [см.: King, 1960, p. 585]. Кроме того, пристальное внимание к исследованиям коллег, детальный разбор экспериментальных планов, снабжение иллюстрациями и примерами из полевой работы практически всех своих теоретических построений подчеркивают, насколько важной для него была эмпирическая социология. В толковании Н. С. Тимашева она выходила за рамки здесь-и-сейчас проводимых исследований, любые "исторические данные понимались им как эмпирические факты" [Simirenko, 1973, p. 88], что требовало внесения методологии исторических наук в исследовательскую практику социолога. Проводя границу между прикладной и теоретической социологией, он, тем не менее, не считал их чужеродными друг для друга областями. Сама социология, по словам М. Кинга, оставалась для Тимашева индуктивной наукой², в которой все логические построения исходят из на-

² Заметим, что не все критики так интерпретировали работы Н. С. Тимашева. Д. Шнайдер в рецензии на *"Социологическую теорию"* (1955) отмечает излишнюю увлеченность автора концептуальным языком, историей развития понятий и практически полным игнорированием насущных проблем американского общества. Хотя, по мнению Д. Шайдера, даже книги по истории социологии не должны обходить вниманием прагматичность американского варианта социологии [Schneider, 1956, p. 371]. Х. Смит в рецензии на *"Введение в социологический анализ"* (1949), напротив, упрекал авторов в излишнем упрощении концептуальных схем, недопустимом даже для вводных курсов [Smith, 1950, p. 92].

блюдаемых и верифицируемых явлений [King, 1960, p. 585]. Это отличает социологию от метафизики и социальной философии, позволяет Н. С. Тимашеву оставаться в поле эмпирического знания.

Ревизия социологического знания

Систематизация научного знания, картографирование достижений необходимы научному сообществу, прежде всего, для установления границ известного и объясненного, прояснения сферы применения совместных усилий, направленных на производство научного знания. Н. С. Тимашев не раз подчеркивал коллективный характер любого научного предприятия, который становится весьма проблематичным при отсутствии внешних универсальных форм представления знания. Поэтому на протяжении всей жизни он проводил ревизию социологического знания, обновлял систему координат для его описания. Одна из итоговых работ, в которой компактно упакованы размышления прошлых лет, - статья, написанная им для католической энциклопедии [Timasheff, 1950a; Тимашев, 2000]. В ней выделены два измерения, определяющие структуру социологии как науки: теоретическая - прикладная, общая - специализированная. В образуемый логический квадрант попадает все множество социологических исследований, что позволяет вдумчивому читателю определить собственную позицию в социологии. Усилия Н. С. Тимашева направлены на определение общих понятий теоретической социологии и специализированной ее отрасли - социологии права. Оставаясь на универсальной позиции, которую в наше время назвали бы мультипарадигмальным подходом, в этой статье Н. С. Тимашев выделяет *шесть методологических школ*, которые задают и определяют настоящее социологии: *неопозитивистская*³ во главе с Дж. Ландбергом и С. Доддом, *экологическая*, практикуемая в Чикагском университете, *социометрическая*, отталкивающаяся от трудов Я. Морено, *функциональная*, *институциональная* и *феноменологическая* школы [Тимашев, 2000, с. 14]. В изданной в этом же году работе Н. С. Тимашев добавляет седьмую школу - *аналитическую*, или систематическую, яркими представителями которой называет П. А. Сорокина и Т. Парсонса [Timasheff, 1950b]. В каждой из названных школ формируется и развивается собственный концептуальный аппарат, который открывает одни участки социальной реальности и скрывает, ретуширует другие. Задача социолога, занимающегося общими теоретическими вопросами, состоит в интеграции подходов, составлении единого словаря, направленного на точное представление изучаемой реальности. Поэтому, например, несмотря на спекулятивный характер контовских взглядов (позиционирование социологии как абстрактной науки, в противовес прикладным, конкретным наукам его времени), Н. С. Тимашев высоко оценивал интегративный подход основателя социологии, подчеркивая недооценку вклада О. Конта в развитие теоретической социологии [Timasheff, 1952b]. Р. Биршtedt пишет, что сам Тимашев никогда не примыкал ни к одной теоретической школе, в его словаре не было доминирующих метафор и понятий [Bierstedt, 1970, p. 291]. Оставаясь верным принципу универсализма любого научного знания, Н. С. Тимашев не позволял себе увлечься даже самой изящной и притягательной теоретической конструкцией.

Критикуя П. Бриджмэна, Дж. Ландберга и С. Додда за излишнее увлечение формальными процедурами измерения, прямой перенос естественнонаучной методологии в социальные исследования, Н. С. Тимашев не отказывается от подходов, реализуемых в изучении природы. Он не видит необходимости в размежевании наук о природе и наук о духе. Он утверждает, что в социальной науке одинаково востребованы как идиографические, так и номотетические методы [Timasheff, 1945]. Решение о выборе того или иного подхода должно опираться на задачи исследования, условия его

³ Термин "неопозитивизм", употребляемый Н. С. Тимашевым в отношении школы Ландберга, уже в то время был весьма неоднозначным. Не случайно Дж. Ландберг посвящает целую статью полемике с Тимашевым, в которой он пытается различить естественнонаучное направление в социологии и неопозитивизм [Lundberg, 1955].

проведения, а не ценностные или нормативные установки обществоведа. Кроме того, за поляризацией номотетического и идиографического методов исследователи теряют еще один, третий, предлагаемый Н. С. Тимашевым, способ построения теоретического знания - нормативный, который, как это не парадоксально, доминирует в социальных науках. Сама аргументация в пользу установления законов (помо тетос) или описания особенностей (idios grapho) опирается на нормативный способ конституирования знания. Прояснению фактических теоретических предпосылок, на которых опираются исследователи, интеграции и объединению, казалось бы, разрозненных теоретических схем Н. С. Тимашев посвятил значительную часть жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бобринская Т. Н.* 2000. Заметки о моем отце // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том. 3. N2. С. 18 - 24.
2. *Бухин Е.* Русские дворяне в Америке (Бобринские и Тимашевы). Нева, 2005. N 11. См.: <http://magazines.russ.ru/neva/2005/11/bu22.html>
3. *Дойков Ю. В.* 1996. Николай Тимашев и Россия // Социол. исслед. 1996. N 7. С. 136 - 142.
4. *Рогозин Д. М.* 2006. Методологические основания опросов общественного мнения // Пути России: проблемы социального познания / Под общ. ред. Д. М. Рогозина. М.: МВШСЭН, 2006. С. 111 - 127.
5. *Тимашев Н. С.* 1966. Как я стал социологом // Новый журнал: Литературно-художественный журнал русского зарубежья. 1966. N 85. С. 242 - 250.
6. *Тимашев Н. С.* 2000. Социология / Пер. с англ. О. Л. Гнатюк; под ред. А. В. Тавровского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том. 3. N 2. С. 5 - 14.
7. *Benson P.H.* 1956. [Rev.] Timasheff N.S. Sociological theory: Its nature and growth. New York: Doubleday & Co., 1955 // American Sociological Review. 1956. Vol. 21. N 3. P. 388 - 389.
8. *Bierstedt R.* 1970. In memoriam - Nicholas S. Timasheff: 1886 - 1970 // American Sociologist. 1970. Vol. 5. N3. P. 291.
9. *Connell R. W.* 1997. Why is classical theory classical? // American Journal of Sociology. 1997. Vol. 102. N 6. P. 1511 - 1557.
10. *Goul R.* 1970. N.S. Timasheff 1886 - 1970 // Russian Review. 1970. Vol. 29. N 3. P. 363 - 365. 11. *King M.* 1960. [Rev.] Timasheff N.S., Facey P.W., Schlereth J.C. General sociology. Milwaukee: Bruce Publishing Co., 1959 // American Sociological Review. 1960. Vol. 25. N 4. P. 585.
12. *Lundberg G.A.* 1939. Foundations of Sociology. New York: Macmillan Company, 1939.
13. *Lundberg G.A.* 1955. The natural science trend in sociology // American Journal of Sociology. 1955. Vol. 61. N3. P. 191 - 202.
14. *Schneider J.* 1956. [Rev.] Timasheff N.S. Sociological theory: Its nature and growth. New York: Doubleday & Co., 1955 // American Sociological Review. 1956. Vol. 61. N 4. P. 371 - 372.
15. *Simirenko A.* Social origin, revolution and sociology: The work of Timasheff, Sorokin and Gurvitch // British Journal of Sociology. 1973. Vol. 24. N 1. P. 84 - 92.
16. *Smith H.L.* 1950. [Rev.] Timasheff N.S., Facey P.W. Sociology: An introduction to sociological analysis. Milwaukee: Bruce Publishing, 1949 // American Journal of Sociology. 1950. Vol. 56. N 1. P. 91 - 92.
17. The works of Nicholas S. Timasheff: An annotated bibliography / Ed. by J.F. Scheuer. A Le Play Research Monograph. Unpublished paper.
18. *Timasheff N.S.* 1937a. What is the sociology of law // American Journal of Sociology. 1937. Vol. 43. N 2. P. 225 - 235.
19. *Timasheff N.S.* 1937b. The retributive structure of punishment // Journal of Criminal Law. 1937. Vol. 28. P. 306 - 402.
20. *Timasheff N.S.* 1938a. The power phenomenon // American Sociological Review. 1938. Vol. 3. N 4. P. 499 - 509.
21. *Timasheff N.S.* 1938b. The sociological place of law // American Journal of Sociology. 1938. Vol. 44. N 2. P. 206 - 221.
22. *Timasheff N.S.* 1938c. Law as a social phenomenon // Reading in jurisprudence / Ed. by J. Hall. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1938. P. 868 - 874.
23. *Timasheff N.S.* 1940. Law in Pareto's sociology // American Journal of Sociology. 1940. Vol. 46. N 2. P. 139-149.
24. *Timasheff N.S.* 1942. Gurvitch's philosophy of social law // Thought. 1942. Vol. 17. N 67. P. 709 - 722.
25. *Timasheff N.S.* 1943. On propaganda // American Catholic Sociological Review. 1943. Vol. 4. N 1. P. 10 - 15.
26. *Timasheff N.S.* 1945. On methods in the social sciences // American Catholic Sociological Review. 1945. Vol. 6. P. 169 - 176.
27. *Timasheff N.S.* 1947. Definitions in the social sciences // American Journal of Sociology. 1947. Vol. 53. N 3. P. 201 - 209.
28. *Timasheff N.S.* 1948. Observation in the social sciences // American Catholic Sociological Review. 1948. Vol. 9. N4. P. 1 - 13.

29. *Timasheff N.S.* 1950. The Soviet concept of democracy // *Review of Politics*. 1950. Vol. 12. N 4. P. 506 - 518.
30. *Timasheff N.S.* 1950a. Sociology // *The Catholic Encyclopedia*. Supplement II. Vol. 2. (J-Z). New York: The Gilmary Society, 1950.
31. *Timasheff N.S.* 1950b. Sociological theory today // *American Catholic Sociological Review*. 1950. Vol. 11. N 1. P. 25 - 33.
32. *Timasheff N.S.* 1952a. The basic concepts of sociology // *American Journal of Sociology*. 1952. Vol. 58. N 2. P. 176 - 186.
33. *Timasheff N.S.* 1952b. Comte in retrospect // // *American Catholic Sociological Review*. 1952. Vol. 13. N 4. P. 224 - 232.
34. *Timasheff N.S.* 1954. Totalitarianism, despotism, dictatorship // *Totalitarianism* / Ed. by C. Friedrich. Cambridge: Harvard Press, 1954. P. 39 - 47.
35. *Timasheff N.S.* 1955a. *Sociological theory. Its nature and growth*. New York: Random House, 1955.
36. *Timasheff N.S.* 1955b. Higher education for what // *Journal of Educational Sociology*. 1955. Vol. 29. N 2. P. 75 - 82.
37. *Timasheff N.S.* 1959. Order, causality, conjuncture // *Symposium on sociological theory* / Ed. by L. Gross. New York: Row, Peterson & Co., 1959. P. 145 - 164.
38. *Timasheff N.S.* 1961. The state and the family of nations as social groups / Superior Council of Scientific Research, Balnes Sociological Institute. Madrid, 1961. P. 3 - 18.
39. *Timasheff N.S., Facey P. W., Schlereth J.C.* 1959. *General sociology*. Milwaukee: Bruce Publishing Co., 1959.